СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ СЕРЕДИНЫ 60-Х ГГ.: ОТ ЛУКАВОГО

Середина 60-х в России - разгар построения социализма. После показавшего всему миру «кузькину мать», кукурузовода и простолюдина Никиты Хрущева в 1964 году к власти приходит молодой, полный сил, и достаточно закаленный в кремлевских интригах интеллигентный партократ Леонид Брежнев. СССР крайне популярен в мире: покорение космоса, громкие эксперименты на сельскохозяйственной ниве, неоспоримые достижения физиков и лириков, братание с молодежью на международном уровне, и все это - за железным занавесом. В стране продолжается мощный идеологический прессинг под «шапкой» «мы и они». Наряду с «тлетворным влиянием Запада» у СССР по-прежнему проявляет себя и один из внутренних досадных атавизмов - религия.

Государство чуть менее полувека полностью контролировало карьеру священнослужителей, каждое проповедное слово, и вот - формальная всеобщая религиозная «амнистия». После отставки 14 октября 1964 года Генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в стране немедленно прекращается волна антирелигиозных настроений. Буквально через три месяца, 27 января 1965 года Президиум Верховного Совета СССР принимает Постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». В документе были строго осуждены действия государства в отношении верующих: в 61-65 гг. по уголовным статьям были осуждены 1 тыс. 234 приверженцев той или иной религии, 400 человек были высланы в отдаленные районы страны «за тунеядство»[1].

[1] *Дело № 530 (письма Алексия в Совет РПЦ), Ф. Р-6991, оп.2, д. 530, 136 с., «Письма патриарха Алексея в Совет по делам РПЦ» 3.03.64-29.12.64

«Некоторые факты» нарушений выглядели так. Патриарх Алексей тщательно докладывал о них Председателю Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР

Вот выдержки из одного письма от 25 мая 1964 года. (С. 32) «Решение о сносе храма на Преображенской площади в Москве было воспринято прихожанами этого храма, и не только ими, но и вообще верующими Москвы с большим огорчением». Далее Патриарх Алексий включает свои заветные кнопки дипломатического подхода к партийным бонзам, прекрасно зная, какие именно доводы в пользу сохранения национальной святыни их могут убедить. (С. 32) «.. .в данном случае налицо не стремление уничтожить приход, а лишь осуществление плана реконструкции данного участка г. Москвы». Безусловно, именно «данный участок» нуждается в реконструкции «единого архитектурного ансамбля
столицы», диктуемого хрущевскими пятиэтажками...

Патриарх Алексий мужественно продолжает: «...это фактическое уничтожение одного из известных, притом древнего храма, может повести к нежелательным осложнениям, именно оно может стать достоянием **зарубежной пропаганды, которая сделает из него целую сенсацию.** Она несомненно истолкует уничтожение Московского приходского храма, как явление административного нажима на Церковь и ущемление прав верующих граждан». Поистине, истолкуют, супостаты!..

«Парализовать такую вредную провокационную шумиху в западной прессе можно предоставлением прихожанам уничтожаемого храма другого церковного здания из числа закрытых Московских храмов, куда могли бы быть перенесены святыни Преображенского храма». Пожалуй, одна из лучших проповедей священнослужителя во спасение. Далее следует некоторое демонстративно-напускное отстранение от своей паствы во имя спасения, «...главным образом их (прихожан) волнует сказанное их представителям в местном районном Совете, что все их святыни - иконы,

---

В.А. Куроедову.

церковная утварь и средства будут отобраны у прихода и самый приход уничтожен». Вот он, философский камень. Страх перед «вредной провокационной шумихой» победил. Храм устоял.

Письма из глубинки менее выдержаны идеологически, зато более живописны. Самые храбрые верующие искали правды и вне стен храма. (С. 37-38) Письмо настоятельницы Киево-Флоровского женского монастыря монахиня Анимакса. «В ночь на 27 мая 1964 года «работники милиции ходили по келейям и отбирали паспорта у монашествующих, не объясняя причин». «... 13 июня 1964 года 15 человек монашествующих разных возрастов были вызваны в райисполком Подольского района. ...Комиссия, состоящая из двух сотрудников милиции, трех врачей и нескольких членов райисполкома, заявила сестрам, что монастырь закрывается, и все работающие сестры должны перейти на квартиры, которые им будут предоставлены в г. Киеве. Старухам предложили дома престарелых, но никто на это не согласился, а просили дать срок для подыскания места жительства. На это им был дан трехмесячный срок, причем в паспорте была заменена прописка постоянная на трехмесячную с подпиской о добровольном уходе. Неимеющим родственников обещано пособие от государства ежемесячно 10-15 рублей.

Договор на аренду всех жилых корпусов Домоуправление № 801 расторгло еще в 1963 году, но монастырь продолжает вносить Домоуправлению арендную плату через Банк ежемесячно». Без комментариев.

Письма, как правило, не оставались без ответа. (С. 61) Вот одно из них, удостоенное ответа властей. «Письмо от церковноприходского Совета Богоявленского храма г. Житомира, староста - Иванова Елизавета Прокопьевна и еще 20 подписей. «Смиренно просим Вас помогите нам спасти от закрытия наш храм. Нас уже предупредили, чтобы мы убирали святыню, через 8 дней храм закроют. Закрывают его под предлогом строительства домов в этом месте, где храм. Храм во имя Богоявления

Господня». Площадь под храмом - 382 кв. м.». В.А. Куроедов поясняет; «На расстоянии 1 км от Богоявленской церкви расположен кафедральный собор. Уполномоченному Совета т. Волкову предложено вести работу по объединению этой религиозной общины с общиной Кафедрального собора». При этом прослеживается неусыпная бдительность со стороны властей по поводу малейших движений в общинах.

Очевидно, превозмогая жалость к «заблудшим», официальный представитель Страны Советов, «где так вольно дышит человек», уполномоченный т. Волков популярно объяснил гражданам, что им целесообразнее объединиться с коллегами в «километровой доступности». Впрочем, жителям Житомира еще повезло. Архивные письма сохранили доказательства того, что верующим предлагали отправлять естественные религиозные надобности и за 6-8 километров пешего хода от дома.

В середине 60-х в СССР вполне приветствовались и другие формы работы государственных служащих с прихожанами. (С. 85) «Письмо Патриарху Алексию от Евдокии Николаевны Мещериной, с. Манино Синдякинского сельсовета Задонского района Липецкой области, «...у нас собрана новая церковная двадцатка, уже больше трех месяцев, но местные органы власти тормозят, злоумышленно задерживают, оттягивают открытие нашего церковного храма, особенно оттягивают, запугивают новую двадцатку парторг Синдякинского совхоза Корчапин В.В. «.. .тем, что не даст огорода, то есть усадьбу, не дадут топлива, обложили налогами, откажем вам платить пенсию и т.д. В церкви лежит овес, мы просили его вывезти...». История свидетельствует, что функции уполномоченных по делам религий на местах явно были делегированы и представителям местного самоуправления, что в очередной раз подчеркивает тщательный контроль, управление и прессинг в делах русской православной церкви со стороны властей.

Иногда «общение» со служителями культа носило и неприкрытый издевательский характер. Вплоть до рукоприкладства. (С. 94). В Письме

Патриарху Алексею, Председателю Совета министров СССР Косыгину по поручению прихожан Вознесенского храма г. Кашина Калининской области сообщается: «Появившаяся в Калинине 3-й секретарь КПСС Т. Голосова задалась целью поиздеваться над беззащитными верующими стариками и добилась своего. По ее инициативе 6 мая -1963 года был послан рабочий с электросваркой сжечь замки на двери храма, а попутно жгли руки и ноги верующих, окружавших свою святыню».

Однако блюстители порядка отнюдь не гнушались «поповскими безделушками». Ситуация «всеобщего порицания» верующих, не только морального, но и вполне материального характера отражена и в письме Алексею от церковного Совета и двадцатки села Шатуры Нежинского района Черниговской области. (С. 103) «... приехали два священника с милицией, с пожарными крючками сломали в церкви двери и забрали все на церкви с престолов, все церковные книги, скатерти, ризы... Милиция стояла на дорогах и не пускала людей... все было отвезено за 30 км в село Шалалаевку и там продавалось жителям пожарниками»...

Советские органы пытались «наложить епитимью» даже на предметы церкви борясь за «охмуренные души» своих неразумных сограждан. (С. 224) Как важный документ рассматривалось Письмо Совета Министров Литовской ССР № 8-3761 От 27 марта 1964 года об ограничении колокольного звона в г. Зарасай. «Докладывает ст. инспектор Совета тов. Колоколкин И.Т. (Прим. авт. - Столь созвучная «делу» фамилия - случайная ирония? Чья?..). Справка. Совет Министров Литовской ССР просит дать согласие ограничить колокольный звон в Зарайской православной церкви, так как здание церкви находится в центре города, неподалеку от средней школы, детского сада и других учреждений». Высочайшая резолюция на своевременное предложение бдительного уполномоченного - великодушна: «Согласиться с предложением Совета Министров Литовской ССР об

ограничении колокольного звона в г. Зарасай»[1]. В заключении уполномоченного совета говорится, что религиозное общество в с. Крсный Колядин распалось после изъятия бывшего общественного здания в июне 1962 года, которое используется теперь под клуб. Предоставленное религиозному обществу право аренды помещения для молитвенных целей использовано не было». Дескать, сами виноваты, не воспользовались предложением...

Аналогичные ходатайства о снятии с учета религиозных обществ (С. 167) были направлены в марте 1964 года от имени Львовского областного Совета депутатов. Рапортовали о «просветлении» с. Костыльники Городокского района (церковь переоборудована под склад); с. Черемхив, с. Новосильцы, с. Молодынче, с. Пидлиск Жидачевского района; с. Цеперов, с.Стриганка Каменко-Бугского района; с. Белогорща Пустомытовского района; с. Торки Сокальского района; Николаевский областной Совета депутатов «очистил от опиума» с. Трикраты, с. Покровка Вознесенского района, с. Станиславчик Первомайского района...

«Справка. В письме облисполкома и заключении уполномоченного Совета говорится, что религиозное общество в с. Монастырец прекратило свою деятельность с июня 1962 года, богослужения с этого времени не совершаются. Ключи от церкви сданы в сельсовет. Оставшаяся часть верующих посещает церковь в с. Волщищовичи на расстоянии 8,5 километров». Ходят-таки! Если дойдут...

(С. 189) «В с. Григоро-Ивановка Нежинского района Черниговской области УССР «религиозное общество прекратило свою деятельность с мая 1962 года после изъятия у него бывшего общественного здания, которое переоборудуется под детясли».

[1] Ф. Р-6991,оп. 2, д. 526, 228с. «Протоколы №№ 1-7 заседаний Совета по делам русской православной церкви при Совета Министров СССР».

Религия не вписывалась в грандиозные планы советского строительства. Так уж выходило, что «свято место» зачастую крайне нуждалось в изменении целевого назначения. Как, например, в Калининской области. (С. 198) «Решение исполкома Калининского областного (сельского) Совета депутатов трудящихся № 52 от 20 февраля 1964 года о сносе здания Успенской церкви в гор. Калинине в связи со строительством детского комбината и предоставлении религиозному обществу права аренды другого помещения под молитвенный дом. По генеральному плану реконструкции гор. Калинина территория, на которой находится здание Успенской церкви, запланирована под строительство детского комбината.

Как сообщил уполномоченный Совета, службы в церкви прекращены с февраля 1964 г., здание церкви снесено.

Ходатайств и жалоб верующих не поступало.

Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР В. Куроедов, член Совета А. Шиков».

Для тех лет характерным был и такой аргумент. Верующие могли «провиниться» перед советский властью, за что и следовала экспроприация церкви в качестве самого сурового (безусловно) наказания. (С. 204). В Костроме было так. «Уполномоченный Совета Костылев А.М. сообщает, что религиозное общество в с. Печенкино Костромской области было затухающим. ...В связи с грубейшим нарушением законодательства о культах со стороны религиозного общества, выразившемся в организации молений у святого источника, незаконной торговле предметами культа у этого источника и сборе приношений верующих в корыстных целях, исполком Шарьинского райсовета в сентябре 1963 года расторг договор с религиозным обществом на использование молитвенным зданием». Традиционное название «церковь» к этому времени повсеместно было привычно заменено канцеляризмом, в данном случае - бездушным и безликим «молитвенное здание».

А иногда и Его Величество Случай служил подспорьем в атеистической пропаганде советского периода. (С. 144) «Уполномоченный Совета Иванов К.Т. сообщает, что здание церкви в селе Шипуново Сузунского района Новосибирской области по вине исполнительного органа и священника Синерукова сгорело. В связи с этим договор с религиозным обществом расторгнут, акт об этом подписали все члены церковной «двадцатки».

Религиозное общество прекратило свое существование. Согласиться с предложением исполкома Новосибирского областного (сельского) Совета депутатов трудящихся о снятии с регистрации религиозного общества в с. Шипуново Сузуйского района как не выполнившего условий договора о сохранении церковного здания, в результате последнее сгорело». При это такой резолюции способствовал и довод, что «верующие довольствуются «близлежащими» церквями на расстоянии 1,5-9 км от дома.

Ветер перемен обозначился через год после утверждения на посту главы государства Л.И. Брежнева. В конце 1965 года два существовавших ранее контролирующих органа - Совет по делам русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов - преобразованы в единый - Совет по делам религий. Само название указывает на менее пристальное и более лояльное отношение к этой «епархии» общественной жизни советских людей. А 18 марта 1966 года вышел Указ «Об административной ответственности за нарушение законодательства о культах», который занял вакантную нишу в Кодексе РСФСР об административных нарушениях.

© А.В. Стамболиди

Историография хрущевского периода взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства

История Русской Православной Церкви в советский и постсоветский период делится исследователями на несколько этапов.